сразу же натолкнулся бы на отмеченный Б. Д. Грековым факт, который ему был известен не хуже, чем его оппонентам (он отмечал его как раз в отвергнутой Б. Д. Грековым статье), — что договоры с греками, которым он придавал значение первостепенного источника, читаются как раз в составе «Повести временных лет».[16] Мысль, лежащая в основе статьи М. Д. Приселкова, весьма проста и ясна: он указывает, что «Повесть временных лет» составлена в начале XII века; поэтому для изучения истории X века предпочтение должно быть дано не этому относительно позднему памятнику, а источникам X в., как современным.[17] Отвергать эти источники на том основании, что они (кроме договоров с греками) византийского происхождения, было бы по меньшей мере странным: это было бы так же неверно, как отвергать, например, Хронику Конрада Буссова как источник по истории восстания Болотникова, предпочитая ей, скажем, «Историю царя Василия Ивановича Шуйского» Татищева только потому, что эта последняя отечественного происхождения.

Приведенные примеры критики работ М. Д. Приселкова интересуют нас не сами по себе — к конкретным историческим вопросам, поставленным в трудах М. Д. Приселкова, наша наука будет иметь возможность обратиться еще не раз.[18] Споры и дискуссии, возникшие в связи с трудами М. Д. Приселкова, заслуживают особого внимания потому, что они позволяют разобраться в особенностях его научного метода.

Пытаясь определить характерные черты научного метода М. Д. Приселкова, мы должны сразу же оговорить, что они присущи не только дан-

---

[16] М. Д. Приселков. *Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам.* — Ученые записки ЛГУ. Л., 1940, № 73, стр. 216—217, 229. М. Д. Приселков знал и принимал во внимание вывод С. П. Обнорского, что договоры с греками были составлены в одно время на греческом и славянском языках (там же, стр. 241).

[17] Там же, стр. 215—217. Заметим, кстати, что в своей статье М. Д. Приселков предлагал не отвергнуть «Повесть временных лет», а проверить ее по более ранним источникам, — задача, чрезвычайно важная именно для исследования летописания.

[18] Мы не останавливаемся здесь, в частности, на вопросе о характеристике так называемого Древнейшего свода 1037 г. — вопросе, привлекавшем внимание исследователей в последние годы. Вслед за А. А. Шахматовым, М. Д. Приселков считал, что Древнейший свод был создан при кафедре грека-митрополита Феопемпта и отражал политические тенденции этой кафедры (ср., например: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 26—29). Многие наблюдения над древнейшим слоем киевского летописания, сделанные советскими исследователями, дают основание сомневаться в правильности шахматовской характеристики Древнейшего свода: против этого говорит, например, фольклорный характер ряда рассказов, отнесенных А. А. Шахматовым к Древнейшему своду, сочувственное изображение летописцем князей-язычников, отсутствие сходства между этими рассказами и греческими хрониками и т. д. [ср.: Д. С. Лихачев: 1) Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром. — Исторический журнал. М., 1943, № 7, стр. 29—31; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 59—70]. С другой стороны, исследователи, оспаривавшие мнение А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, не дали еще объяснения тому обстоятельству, что в тексте древнейшего летописания, сохраненного «Повестью временных лет», явно обходятся некоторые сюжеты, неприятные для Византии; например, ничего не говорится о подозрительной роли греков в гибели Святослава (о чем сообщают даже византийские авторы), и виновником своей гибели оказывается сам Святослав (ср.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 27). Но как бы мы ни решали вопрос о составе и тенденциях Древнейшего свода, это не может иметь никакого влияния на общую характеристику древнерусской культуры. Так называемый Древнейший свод представляет собой лишь один из источников (точнее — источник источника) «Повести временных лет»; в числе источников «Повести временных лет» были, несомненно, и греческие хроники; считая этот свод русским сочинением, созданным при кафедре грека-митрополита, М. Д. Приселков ни в какой мере не «обеднял русскую культуру», тем более, что характернейшей чертой «Повести временных лет» и печерского летописания вообще он считал как раз противовизантийскую направленность.